

Г. В. Плеханов. Статья о Л. Н. Толстом. ГИЗ. Стр. 94.

Собранные в настоящем сборнике статьи Г. В. Плеханова («Заметки публициста. Отсюда и досюда». «Смещение представлений». «К. Маркс и Л. Толстой» и пр.) посвящены анализу философской теории Л. Толстого; Толстой как художник в сферу их изложения не входит.

Основная цель всех этих статей — выявление подлинного марксистского отношения к Л. Толстому — теоретику, в противовес тем полумарксистским эклектическим толкованиям Л. Толстого — мыслителя, которые вскоре после смерти Толстого стали распространяться журналом «Наша Заря» в статьях Неведомского, В. Базарова, примирявших толстовство с марксизмом. В основе плехановских отношений к Толстому лежит признание, что Л. Толстой — «гениальный художник и крайне слабый мыслитель». В своих статьях Плеханов четкими штрихами рисует главную сущность философского мировоззрения Толстого, выявляя его несоответствие с марксистским миросозерцанием. Плехановым констатируется глубокая личная душевная опустошенность Л. Толстого. Внутреннее содержание его личности не наполнялось ни интимной, ни общественной жизнью. Толстой проходит мимо шестидесятилетнего движения. Он устремляется от земли к небу, в нем оживают прежние религиозные впечатления детства, и поэтому — когда он склоняется к признанию необходимости бороться за благо народа — он не может в положительной части своего учения создать философию активного действия, а дает вместо этого лишь учение о непротивлении злу. Марксизм — философия реализма, оптимизма, революционного активизма — непримирима с толстовским мировоззрением опустошенной души с ее пассивным, антиобщественным, религиозным характером. Л. Толстой — теоретик и К. Маркс — антиподы. Таков основной тезис плехановских статей.

Заслуживает быть отмеченным замечание Плеханова о глубоком соответствии толстовского поведения с его учением о непротивлении злу, вопреки мнению некоторых «крити-

ков» Л. Толстого, упрекавших его за отсутствие «поступка» с его стороны. Плеханов блестяще опровергает это «общепринятое» мнение о якобы несоответствии толстовского учения и поведения. В моменты же совершения «поступка», напр., в момент написания знаменитого «Не могу молчать» Толстой переставал быть толстовцем, и только тогда он становился близким к делу революции.

Рецензируемый сборник, отчетливо выявляющий соотношение марксизма и толстовства, заслуживает широкого распространения, чему должен способствовать и его большой тираж.

Арх. Глазголев.

М. А. Яковлев. «Лермонтов, как драматург». Изд. «Книга». Ленинград — Москва, 1924 г. Стр. 259.

В книге М. А. Яковлева есть все, чему полагается быть в историко-литературном исследовании. Драмы Лермонтова рассмотрены с точки зрения биографической, социологической, композиционной, но больше всего страниц отведено вопросу о «влияниях» и «заимствованиях» Лермонтова. Тут — центральная часть книги. Автор весьма добросовестен и скрупулезен в выискивании многообразных связей Лермонтова-драматурга с иностранной и русской литературной традицией, но анализ его в этом направлении часто мелочен, дробен и по своим приемам старомоден. «Влияние» и «заимствование» понимаются автором слишком упрощенно, преимущественно в плоскости текстуальной, по существу, наименее показательной. Сами эти сопоставления в ряде случаев поверхностны и неубедительны: например, сопоставление «Маскарада» с «Коварством и любовью» Шиллера. Такого рода «совпадения», обнаруженные автором, могут быть найдены при сопоставлении любых двух литературных произведений, ни в какой связи друг с другом не стоящих.

На всю работу лег отпечаток ученичества, очень усердного и прилежного, но вместе с тем робкого, несвободного. Это чувствуется и в самом стиле работы, сухом, бесцветном, порой неуклюжем и не-

правильном, фразы: «Оставим в стороне биографические данные о Щепкине и обратно:—набросаем общими штрихами его артистический облик» (стр. 10). «Далее, Алварец изливается в своем классовом превосходстве» (стр. 49). «Лиговский смотрит под углом всепокоряемости капитана» (стр. 73 и др.).

Надежды автора на то, что «мы не преувеличим, если скажем, что наш поэт-драматург был вполне достойным учеником великого немецкого драматурга (т.-е. Шиллера, Н. Г.), конечно, сильно преувеличены.

Н. Г.

И. Н. Розанов. «Н. А. Некрасов». «Жизнь и судьба». Изд. «Колос», Ленинград, 1924 г. Стр. 112.

В конце XIX и нач. XX в. мы являемся свидетелями воскрешения Некрасова. Вознесенный на огромную высоту в 60—70 гг., Некрасов позднее если и не был отодвинут в тень, то, во всяком случае, часто молчаливо обходился, как поэт эмоционально и, так сказать, граждански насыщенный, но слабый, порой немощный, как мастер. В таком роде и известные приговоры о нем Тургенева и Толстого. И лишь к концу века он вновь признан был как первоклассный поэт-мастер,—и как раз теми, кто мастерство русского стиха подвинул сильно вперед—символистами.

Наряду с пересмотром некрасовской традиции в плоскости эстетики И. Н. Розанов рассказывает о важнейших этапах в жизни поэта, наблюдая, как эта жизнь с ее переживаниями рождала те или иные поэтические мотивы и темы. Впрочем, творчество Некрасова в книжке И. Н. Розанова привлекается к рассмотрению лишь мимоходом. Интерес книжки—в увлекательно написанном повествовании о жизненной судьбе поэта и в выпуклом, хоть и сжатом, очерке суждений о Некрасове его литературного потомства и русских поэтов после некрасовской поры. Преднамеренно лишенная всякого библиографического аппарата, книжка несколько огорчит того любознательного читателя, который заинтересовался бы важнейшими

источниками некрасовской биографии. Отсутствие библиографических ссылок, кроме того, заставляет верить на слово автору в том, что он всегда был достаточно критичен, пересказывая различные дошедшие до нас сведения о жизни Некрасова. А, между тем, биография Некрасова, как и всякая биография яркой личности, обросла долей апокрифических эпизодов, и отделить достоверное от вымышленного—задача каждого взыскательного биографа.

Так, думается, прежде чем окончательно высказываться о почти сверхъестественной жестокости отца поэта или об отношениях Некрасова к женщинам, необходимо тщательно разобратся, насколько заслуживают доверия те показания, на основании которых эти факты рисуются, как достоверные. Без такой сугубо тщательной проверки биографу Некрасова не обойтись.

Н. Гудзий.

Социализм Белинского. Статьи и письма. Редакция и комментарии П. Н. Сакулина. ГИЗ. 1925. Стр. 124.

Книга представляет собой хрестоматию, умело составленную из писем Белинского и выдержек из его статей, наиболее выявляющих отношение Белинского к социализму. Тексты сопровождаются комментариями составителя хрестоматии проф. П. Н. Сакулина.

Изложение открывается вступительной статьей П. Н. Сакулина, выясняющей основной характер раннего русского социализма, одним из видных представителей которого был Белинский. Сущность этого раннего социализма проф. Сакулиным сводится к следующим трем основным особенностям. Первая,—это утопизм раннего русского социализма, его отвлеченность от реальной действительности, его идеалистический, еще ненаучный характер. Вторая особенность та, что в переживаниях отдельной личности этот социализм приобретает свою специальную окраску. Третья особенность П. Н. Сакулиным полагается в том, что, несмотря на общую утопичность раннего русского социализма, все же отдельным его представителям «не чужда была мысль о насущных во-